

БИБЛИОТЕКА УЧИТЕЛЯ

Ф. И. БУСЛАЕВ

О ПРЕПОДАВАНИИ  
ОТЕЧЕСТВЕННОГО  
ЯЗЫКА

УЧПЕДГИЗ

1941

# СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                          | Стр. |                                                                                                   | Стр. |
|------------------------------------------------------------------------------------------|------|---------------------------------------------------------------------------------------------------|------|
| <i>Е. Н. Петрова.</i> Академик Федор Иванович Буслаев и его значение для школы . . . . . | 3    | 2. Чтение Карамзина . . . . .                                                                     | 142  |
| <i>Ф. И. БУСЛАЕВ.</i> О преподавании отечественного языка . . . . .                      | 29   | 3. Чтение древнего памятника . . . . .                                                            | 153  |
|                                                                                          |      | 4. Чтение од Ломоносова . . . . .                                                                 | 157  |
| <b>Педагогические начала</b>                                                             |      | <b>Приложение</b>                                                                                 |      |
| Предмет и метода преподавания . . . . .                                                  | 29   | Материалы для русской стилистики . . . . .                                                        | 168  |
| Педагогические партии . . . . .                                                          | 35   | Ономатика . . . . .                                                                               | 171  |
| Грамматика . . . . .                                                                     | 44   | Народный язык . . . . .                                                                           | 179  |
| 1. Умственные упражнения и энциклопедическое учение . . . . .                            | —    | 1. Тавтология . . . . .                                                                           | 180  |
| 2. Обучение отечественному языку по латинской грамматике . . . . .                       | 48   | 2. Описание . . . . .                                                                             | 181  |
| 3. Метода обучения отечественному языку . . . . .                                        | 53   | 3. Эллипсис . . . . .                                                                             | —    |
| 4. Отношение отечественного языка к прочим предметам преподавания . . . . .              | 56   | 4. Эпитеты . . . . .                                                                              | 182  |
| 5. Грамматики . . . . .                                                                  | 63   | 5. Период . . . . .                                                                               | 184  |
| 6. Результаты . . . . .                                                                  | 64   | 6. Сравнение . . . . .                                                                            | 185  |
| Реторика и пиитика . . . . .                                                             | 68   | 7. Фразеология . . . . .                                                                          | 186  |
| 1. Схоластики и беллетристы . . . . .                                                    | —    | История народного языка . . . . .                                                                 | 187  |
| 2. Филологи . . . . .                                                                    | 72   | Архаизмы . . . . .                                                                                | 195  |
| 3. Лингвисты и философы . . . . .                                                        | 74   | 1. Ономатика . . . . .                                                                            | 196  |
| 4. Практика . . . . .                                                                    | 77   | 2. Изобразительные выражения . . . . .                                                            | 198  |
| 5. Педагогическая систематика . . . . .                                                  | 78   | 3. Быт воинский . . . . .                                                                         | 199  |
| Чтение . . . . .                                                                         | 80   | 4. Быт юридический. Летопись. Старина . . . . .                                                   | 201  |
| Письменные упражнения . . . . .                                                          | 105  | 5. Быт религиозный. Отечество. Честь . . . . .                                                    | 202  |
| 1. Деловые бумаги . . . . .                                                              | —    | 6. Быт семейный и общественный . . . . .                                                          | 204  |
| 2. Письма . . . . .                                                                      | 107  | 7. Языческий взгляд на природу физическую. Языческая символика. Мифология, поэзия, игры . . . . . | 207  |
| 3. Описания, повествования и рассуждения на выдуманные учителями темы . . . . .          | 108  | 8. Христианский взгляд на природу физическую. Христианская символика. Красноречие . . . . .       | 217  |
| 4. Отношение письменных упражнений к прочим предметам преподавания . . . . .             | 111  | 9. Зодчество, вапие, живопись, музыка . . . . .                                                   | 219  |
| 5. Отношение письменных упражнений к преподаванию отечественного языка . . . . .         | 113  | 10. Предложение, пословица, период, речь . . . . .                                                | 222  |
| а. Правописание . . . . .                                                                | 115  | История архаизмов . . . . .                                                                       | 227  |
| б. Начальные письменные упражнения . . . . .                                             | 116  | Стихи чужеземные . . . . .                                                                        | 230  |
| в. Переводы . . . . .                                                                    | 117  | 1. Гречизмы в церковном языке . . . . .                                                           | 233  |
| г. Переложения . . . . .                                                                 | 118  | 2. Время . . . . .                                                                                | —    |
| д. Извлечения . . . . .                                                                  | 119  | 3. Науки и искусства . . . . .                                                                    | 235  |
| е. Собственные сочинения . . . . .                                                       | —    | 4. Алфавиты . . . . .                                                                             | 236  |
| История литературы . . . . .                                                             | 121  | 5. Варваризмы в летописях . . . . .                                                               | 237  |
| Опыты преподавания . . . . .                                                             | —    | 6. Варваризмы в народном языке . . . . .                                                          | 238  |
| 1. Начальная грамматика . . . . .                                                        | —    | 7. История варваризмов от Петра Великого . . . . .                                                | —    |
|                                                                                          |      | Провинциализмы . . . . .                                                                          | 242  |
|                                                                                          |      | Комментарии . . . . .                                                                             | 245  |

Ф. И. БУСЛАЕВ

# О ПРЕПОДАВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

*Вступительная статья,  
редакция и комментарии  
проф. Е. Н. ПЕТРОВОЙ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
НАРКОМПРОСА РСФСР  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ \* 1941 \* ЛЕНИНГРАД

Книга известного русского ученого-лингвиста и педагога Ф. И. Буслаева „О преподавании отечественного языка“ появилась около ста лет назад. Она является первой научно, по тогдашнему времени, обоснованной методикой преподавания русского языка.

Являясь крупнейшим трудом в истории методики преподавания русского языка, книга Буслаева во многих отношениях не потеряла своего значения и до настоящего времени. Она содержит целый ряд методических положений, которые далеко не устарели и должны быть критически освоены советским учительством.

Текст настоящего издания печатается по изданию 1867 г., с изменением старой орфографии, но с сохранением основных принципов пунктуации Буслаева.

В книге дается вводная статья проф. Е. Н. Петровой, содержащая краткую биографию Буслаева и критический обзор его научно-методического наследства.

Все замечания по этой книге надлежит направлять по адресу: Ленинград, проспект 25 Октября, д. 28, Ленинградскому отделению Государственного Учебно-педагогического издательства.

---

Редактор Н. П. Гришкова.

---

Тираж 25 000 экз. Подписано к печати 5/III 1941 г. М-39207. Учетно-изд. лист. 21,34+0,03 вклейки. Печ. л. 15,5+<sup>1</sup>/<sub>8</sub> вклейки. Тип. зн. в печ. л. 61200. Заказ № 281. Цена книги 3 руб. 65 коп.

---

Набрано во 2-й тип. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный двор“ им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 28.

Отпечатано с матриц в 1-й тип. Машгиза НКТП. Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

## АКАДЕМИК ФЕДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ШКОЛЫ

### Глава I

#### I

Федор Иванович Буслаев родился 13 апреля 1818 г., умер 31 июля 1897 г. Его жизнь охватывает без малого весь XIX в., столь значительный в истории нашего народа. 40-е годы застали Ф. И. Буслаева уже в полном расцвете сил. Эпоха 60—70 гг., в которой протекала вторая половина его жизни, была богата историческими событиями в России и на Западе. В отношении России эта часть века охарактеризована в „Кратком курсе истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)“ следующими словами:

„Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития“ (стр. 5). „После отмены крепостного права... оставалось почти то же положение, что и при крепостном праве, с той лишь разницей, что теперь крестьянин был лично свободен, его нельзя было продать или купить, как вещь“ (стр. 5—6). „Рабочие и крестьяне не имели никаких политических прав в царской России. Царское самодержавие являлось злейшим врагом народа. Царская Россия была тюрьмой народов“ (стр. 6).

„Хотя развитие капитализма после отмены крепостного права шло в России довольно быстро, все же Россия очень отставала в своем экономическом развитии от других капиталистических стран“ (стр. 7).

„Уже в 70-х и особенно 80-х годах прошлого столетия рабочий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами“ (стр. 8). „В то же время на почве роста рабочего движения... начинают создаваться в России первые марксистские организации“ (стр. 10).

Огромная страна перестраивалась в самых тяжелых условиях отсталого хозяйства, преодолевая преграды и рогатки, создававшиеся „коронованными палачами“.

Сложной и тернистой дорогой пробивалась передовая мысль этого замечательного века. Недаром Герцен сказал, что „история нашей литературы — или мартиролог или регистр каторги“.

Вспомним мучительные поиски истины лучшими людьми того времени, хотя бы тяжкий путь Белинского от Шеллинга, Фихте, Гегеля к Фейербаху, искания Герцена, Чернышевского.

В области педагогической мысли шли те же бои за передовые позиции. Сквозь потоки уваровских циркуляров\*, царских „отеческих“ внушений, сквозь смрад давыдовских\*\* казнокрадств, сквозь теории Мишлера-Красовского, учителя и воспитателя Гатчинского института, известного под именем „рыцаря 3-х

\* Уваров — министр народного просвещения, реакционер, стремившийся ограничить образование для людей недворянского звания.

\*\* Давыдов — профессор-языковед, сподвижник Уварова в его политике „просвещения“; он же директор Главного Педагогического института.

помощник", сквозь удушливые советы некоего Ефима Дымана, писавшего о том, как юноше, начинающему жить, легче и удобнее угодить начальству и разбогатеть, в области педагогики мы уже слышим честные и прогрессивные голоса Белинского, Добролюбова, Ушинского, Пирогова.

Где в этом знаменательном веке место Ф. И. Буслаева и его педагогических трудов?

В 1861 г., когда авторитет Ф. И. Буслаева как ученого был уже достаточно высок и признавался самым передовым тогда журналом "Современником", бесноватый ко всякому идеализму Чернышевский написал против Ф. И. Буслаева острую полемическую статью ("Полемические красоты", Коллекция вторая, III — VI гл.).

Чернышевский правильно отметил самый основной порок научной системы Ф. И. Буслаева: внутреннюю неслаженность его принципиальных воззрений. И, несмотря на это, Чернышевский тут же говорит: "Г. Буслаев — друг просвещения, приверженец прогресса; в этом никто не сомневается..."

Для Добролюбова, для Пынина, как, пожалуй, для всех передовых людей того времени, в просветительно-прогрессивном направлении педагогических работ Ф. И. Буслаева не было сомнений.

## 2

Детство, отрочество и юность Ф. И. Буслаева протекали, с одной стороны, в простодушно-патриархальных отношениях "провинциального мелкого люда" (Буслаев, "Мои воспоминания", М., 1897), а, с другой, в тяжелых материальных лишениях семьи, горькой бедности.

Мать Ф. И. Буслаева была дочерью армейского офицера, сподвижника Суворова в его альпийских походах. Она не имела поместья, но по наследству от отца получила несколько человек дворовых отношений с которыми у нее носили патриархальный характер. Образования она не получила. Судя по ее письмам, она была не сильна в грамотности, но слог имела живой и искренний. Она много читала и, по воспоминаниям Ф. И. Буслаева, была для него главной наставницей по литературе, после учителя словесности в гимназии.

По натуре жизнерадостная, чрезвычайно деятельная, с живым практическим умом, она имела сильнейшее влияние на сына.

Отец Ф. И. Буслаева был уездным стряпчим в глухом городке Керенске. Он умер в 1823 г., когда сыну только что минуло пять лет.

Мать купила дом в Пензе на крутом берегу реки в очень живописном уголке города.

В 1825 г. она вторично вышла замуж. Муж оказался горьким пьяницей и разорил все состояние Буслаевых. Он вскоре умер, оставив жену с сыном и двумя малолетними дочерьми без всяких средств. "Несчастье сильно способствует развитию детей" — пишет Ф. И. Буслаев ("Мои воспоминания", стр. 56). Мать была очень откровенна со своим первенцем, и они переживали вместе тяжкие годы буйства отчаяния и постепенного разорения. Немало горьких картин вспоминает Ф. И. Буслаев: "Вудучи только двенадцати лет, я уже чувствовал и постигал, как взрослый, когда дело касалось злополучной матери".

Только энергией и бережливостью матери семья кое-как перебивалась, "не впадая в крайнюю нищету" (там же, стр. 58).

Благодаря дружеским отношениям с матерью, мальчик не озлобился от тяжестей жизни, но рос необыкновенно впечатлительным. Он стал, как свидетельствует сам, робок, застенчив, опаслив и осторожен. Эти черты остались у Ф. И. Буслаева на всю жизнь. Уйти, убежать, замкнуться — вот его первая и постоянная реакция при всяком жизненном обострении.

В 1828 г. мальчик поступил в гимназию. Учили в гимназии плохо. Учителя предпочитали, чтобы дети сами занимались в классе и часто даже не следили за их работой.

Уроки по учебникам заучивались тут же в классе, на двухчасовых занятиях по предмету, и дома уже заниматься было не нужно. "В неурочное время... считали мы гимназию своей собственностью, которую никто и не думал отнимать у нас, потому что тогда еще не было ни классных надзирателей и наблюдателей, ни инспекторов и всякой другой папасты". Гимназия по вечерам была для детей местом веселых свободных игр и сборным пунктом для всяких уве-

селительных походов. Учились по предметам очень мало, больше читали новую литературу. Но кое-что гимназисты получали от своих учителей для общего развития. Ф. И. Буслаев тепло вспоминает своего учителя словесности Евтропова. Он много читал своим ученикам и приучал их к чтению новейших писателей того времени: Вятковского, Жуковского, Пушкина, Гоголя. Учитель истории читал „Историю Государства Российского“ Карамзина. Следует отметить занятия логикой в школьные годы будущего лингвиста. Мы шутили, заучивали все то, что было нам надобно, со слов преподавателя... В логике забавляли нас различные виды силлогизмов, и мы любили между собою играть в сориты, энтелимы, дилеммы и в разные софизмы, завязывая и распутывая хитросплетенные узлы умозаключений. Точно так же играли мы в „общие места“, и в тропы и в фигуры, выдумывая свои собственные примеры“. Эта „охота пофилософствовать“ осталась у Ф. И. Буслаева и в зрелые годы.

Чрезвычайно важным в истории образования Ф. И. Буслаева является то обстоятельство, что в I-м классе он получил основы грамматики не у кого иного, как у Белинского. Белинский в 1823—1829 гг., не имея средств, чтобы поступить в университет сразу же по окончании гимназии в Пензе, остался там же учителем. Ф. И. Буслаев не рассказывает о системе своего первого школьного учителя, впоследствии великого литературного критика XIX в., но, несомненно, юноша Белинский вел преподавание на тех же основах, на которых он создал свой учебник „Основания грамматики русского языка“. Это была философская логическая грамматика, имевшая впоследствии серьезное влияние и на лингвистические труды Ф. И. Буслаева, особенно на его размышления по спитаксису.

Из показаний Ф. И. Буслаева остается несомненным, что школа не раскрывала перед своими учениками широких горизонтов, не давала гражданского воспитания, не давала системы образования, но вместе с тем фактически еще не стала полицейским средством в руках бюрократического государства, не душила в детях наблюдательности, интереса к книге, увлечения умственной работой. Это оказало сильнейшее влияние на педагогические высказывания Ф. И. Буслаева в дальнейшем.

Несмотря на отдаленность от столицы и отсутствие железных дорог, книга доходила до Пензы. Гимназисты читали без особого опоздания литературные новинки, передаваемые частным образом в рукописном виде из рук в руки. Не подлежит сомнению, что у Буслаева уже в юности сложились известные литературные интересы и вкусы. „Письма русского путешественника“ были для него зеркалом, в котором отразилась вся европейская цивилизация. „Карамзин казался мне самым просвещенным человеком в России“. Пятнадцати-шестнадцати лет Буслаев был уже ревностным „карамзинистом“.

Примечателен тот факт, что в Пензе ходили литературные сборники-альманахи и из них особенным сочувствием пользовалась „Полярная Звезда“ декабристов (1822—1824 гг.), а в стенах самой гимназии молодежь познакомилась с „Войнаровским“ и „Думами“ Рылеева и переписывала их для своих рукописных библиотек. Читая и переписывая „Думы“ Рылеева, гимназисты вовсе и не воображали, что Рылеев государственный преступник, и знать не знали, что он был казнен. Напротив, он казался им „добрым патриотом“... „А книга сборников декабристов тех лет, — пишет Буслаев, — была для меня бесподобная хрестоматия современной русской литературы, в высокой степени наставительная, — и столько же плодотворная своим художественным обаянием для моего нравственного совершенствования“.

Самое признание Буслаева — уже глубокого старца, — что декабристы в свое время выпускали сборники, имевшие для молодежи „художественное обаяние“ и служившие „нравственному совершенствованию“ и что в казенных „преступниках“ было немало доброго патриотизма, свидетельствует о далеко не реакционном умонастроении.

Небезынтересно вспомнить и рассказ Ф. И. Буслаева о знакомстве с комедией Грибоедова „Горе от ума“. По принятому в то время обычаю составлять для себя собрание копий с печатных изданий, я полагаю в простоте сердца, что и эта рукопись была того же разряда, несколько не подозревая, что она содержала в себе сочинение, запрещенное для печати. То была комедия Грибоедова „Горе от ума“.

По окончании гимназии в 1833 г. Ф. И. Буслаев стал готовиться к экзаменам в университет.

При доме Буслаевых был флигель, отдававшийся в наем семинаристам. Мальчиком Ф. И. часто играл с жильцами в бабки, а семинаристы старших классов снабжали его книгами по философии, но „едва ли с толком“, как сам Ф. И. сказал впоследствии.

После уроков с учителем Орловым Буслаев полюбил древние классические языки и писателей. Эта любовь осталась у него на всю жизнь, придавая его интересам довольно широкий характер (любопытное подтверждение мысли Энгельса, высказанной им в Анти-Дюринге, что в те времена изучение классических языков в некоторой мере содействовало воспитанию интернационализма).

Заканчивая характеристику этого периода жизни Буслаева, следует прибавить, что с 14 лет он знал труд по найму: давал за грошовую оплату частные уроки.

Детство и отрочество Буслаева прошли в довольно ограниченной по политическому кругозору среде, в семье с традиционной моралью, благовоспитанностью и богобоязностью, однако без рабской тупой заботности и без лицемерия. Вокруг его матери было „маленькое“ общество, немногочисленный круг знакомых. Это были семьи учителей и мелких служащих, учащиеся и молодые научные работники, наезжавшие из Москвы к своим родным.

Трудности жизни осознавались с достаточной горечью, и все активные силы шли по линии личной борьбы с житейской обездолженностью. Новые веяния и передовая культура воспринимались в этой среде довольно радушно и с живым интересом, но с таким наивным благодушием, которое исключало всякие практические боевые выводы. „Своя рубашка“ интересовала больше всего, хотя без озлобления в отношении к ближнему. Эта среда, конечно, ни в какой мере не воспитывала протестующего духа, бунтарства, но и не толкала к „зубрам“ реакции, к фанатикам консерватизма, сохраняя чувство действительности патриархально-гуманное отношение к человеку, интерес к культуре и прогрессу.

Буслаев по своим общественно-политическим взглядам близко стоял к той среде, которая его воспитала. Этому, несомненно способствовала сильная личность его матери.

### 3

С 1834 г. началась университетская жизнь Ф. И. Буслаева. Он пишет:

„Мне только что минуло 16 лет, и я был совсем еще маленьким мальчиком, и голос у меня был совсем ребяческий. Вырастал я уже потом, в течение всего четырехлетнего университетского курса“. Этот „маленький мальчик“ сразу попал в тяжелые условия материальных лишений. То, что дома сглаживалось любящим сердцем матери, на чужбине переживалось очень тяжело. „Бедность, бедность“ — один из постоянных мотивов переписки сына с матерью.

Какие волнения переживала мать с сыном, когда решался вопрос о принятии Ф. И. в казеннокоштные студенты. Это был нестерпимый страх перед „грозым будущим“, страх бедняка, перед которым судьба медлила открыть двери в запретный мир науки и человеческой жизни.

Жилось Ф. И. Буслаеву нелегко. Мать прямо пишет о нем в это время, что он „холоден и угрюм“; „ничто, кроме науки, его привлечь не может“.

После, привыкнув, он вошел в жизнь студентов типа буршей — с озорными шалостями, пирушками, внешне корпоративным духом. Эта жизнь, подобная жизни старых студенческих немецких корпораций, издавна служила отвлечением от политических, мировоззренческих вопросов.

Товарищи вокруг него были, может быть, люди даже с искорками свободомыслия в юности (например, Класовский), но в политическом отношении безликие. И университет был для них как бы „университетской усадьбой“, как очень метко выразился сам Ф. И. Буслаев, а не кузницей новых научных идеологических школ, революционных кадров.

Буслаев с головой ушел в науку. Наибольшее значение в его развитии имели профессора Погодин, Шевырев.

Шевырев в годы студенчества Буслаева только что начал свою ученую карьеру. Его первые лекции произвели хорошее впечатление даже на Станкевича и его товарищей: они резко выделялись на фоне лекций старых профессоров, косневших на своих раз освещенных книгах. Станкевич подметил и научную осведомленность Шевырева и его добросовестную подготовку к лекциям. Нужны были острый ум Станкевича и его философская подготовка, чтобы через несколько лекций вскрыть отсталость принципиальной основы Шевырева. Н. Г. Чернышевский в своих „Очерках гоголевского периода русской литературы“ не отнимал у Шевырева заслуги „полезной компиляции“ и полного изложения фактов.

Несомненно и то, что, как свидетельствует Ф. И. Буслаев, в эти первые годы Шевырев читал без „крайностей чрезмерного славянофильского направления“, которые были внесены в его курс уже в 40-х годах и позже, к чему и относится критика Чернышевского.

„В первый год университетского обучения, — пишет Буслаев, — Шевырев читал нам вместе с юристами так сказать приготовительный курс, имевший двойное значение: во-первых, по возможности уравнивать сведения поступивших в университет прямо из дому или из разных учебных заведений, казенных и частных, с не установившейся для них всех одинаковой программой обучения и, во-вторых, теоретически и практически на письменных упражнениях укрепить нас в правописании и развить в нас способность владеть приемами литературного слога. В лекциях этого курса Шевырев знакомил нас с элементами книжной речи в языке церковнославянском и русском, отличая в нем народные или простонародные формы от принятых в разговоре образованного общества. С этой целью он читал и разбирал с нами выдержки из летописи Нестора по изданию Тимковского, из писателей XII в. и из древнерусских стихотворений, по изданиям Калайдовича, из „Истории“ Карамзина, из произведений Ломоносова, Державина, Жуковского и, особенно, Пушкина. При этом лектор вдавался в разные подробности из книги Шишкова о старом и новом слоге, из заметок Пушкина о русском народном языке“. Именно по этому курсу Шевырева много позже был определен на ассистентуру Ф. И. Буслаев. Этот курс, как увидим далее, оказал большое влияние на работы Буслаева своим фактическим содержанием и системой изложения.

Слушая Погодина, Буслаев, по его собственному свидетельству, „живо почувствовал и оценил великое значение народного быта“; разработке вопросов народного быта он и посвятил большую часть своих ученых работ.

„Из уст Погодина в первый раз услышала я имя великого германского ученого Якова Гримма, который своими многочисленными и разнообразными исследованиями потом оказывал на меня такую обаятельную силу, так воодушевляла меня, что я сделался одним из самых ревностных и преданнейших его последователей“. „Он (Погодин) первый научил меня читать и разбирать наши старинные рукописи, во множестве собранные в его древнехранилище, которое помещалось тогда в собственном его доме, на Девичьем поле“.

Это показывает, чему и как учился молодой Буслаев.

Изучение конкретного материала избранной науки. — работа по первоисточникам, овладение иностранной литературой, овладение методикой и техникой научного труда — это было далеко от политических, философских интересов передовой молодежи того времени. Но это была упорная и очень последовательно проводимая линия будущего ученого. Сохранился один любопытный документ: черновой листок Погодина 1838 г. — заметка профессора о студентах. Первое место он отводит Ю. Самарину, отмечая у него много сведений, способность к логическим рассуждениям, ясную и складную речь. Второе место Погодин отводит Буслаеву, Каткову и Михаилу Строеву. „Буслаев, — пишет он, — трудился очень много, дошел до результатов прекрасных в частных своих трудах... Трудолюбие обещает дальнего ученого. По прилежанию он первый. Катков первый по любознательности. Сведений много... Михаил Строев в равне в отношении к любознательности, к сведениям и дару слова, но менее зрел...“ Далее, в заметке о Васянове, он пишет: „Васянов с блистательными способностями, оказывает успехи очень хорошие во всех предметах, но ему недостает усидчивости Буслаева...“ (Барсуков, „Жизнь и труды Погодина“, книга V, стр. 139).

Кроме общей характеристики Ф. И. Буслаева, этот документ очень инте-

ресен и тем, что подчеркивает тягу Ф. И. Буслаева к частным, конкретным темам, требующим тщательного изучения и исследования. Однако ни здесь, ни в других местах Погодин ничего не говорит о Буслаеве как об единомышленнике. Духовной близости между ними нет.

Как ни был юн Ф. И. Буслаев (ему не было еще и 20 лет), он сохранил независимость мысли. Не так-то легко это было в те времена, когда славянофильское течение пользовалось известной поддержкой правительства и большей части московского общества. Не так-то легко было устоять против славянофильских теорий и не включиться в число последователей лучших по тогдашним временам профессоров (Погодин, Шевырев), непосредственно руководивших работой юноши. Но Ф. И. Буслаев не потерял чувства реальной действительности и упорно оставался в рамках конкретных фактов и документов самой науки.

4

Первые годы по окончании университета имели для формирования интересов и взглядов Ф. И. Буслаева решающее значение. Он был приглашен в качестве домашнего учителя в семейство барона Бодэ, и эта аристократическая „породистая“ семья с древней дворянской культурой и долей материальной независимостью произвела на молодого человека обаятельное впечатление.

Ф. И. Буслаев до самой глубокой старости, будучи уже академиком с европейским именем, окруженный всеобщим уважением, говорит об этой семье прямо с подобострастным восхищением.

Обаятельное впечатление аристократической семьи было тем сильнее, что отношение к молодому учителю — как со стороны родителей, так и со стороны детей — было безупречным. Начинаящему педагогу была предоставлена полная возможность образовывать и воспитывать своих учеников так, как он умеет и считает нужным. Все бывшие в нем творческие способности нашли благодарную почву. Занятые светом и хозяйством, Бодэ не стесняли Буслаева контролем, оказывая ему полное доверие. Он чувствовал себя в этой работе не наемником, а творцом, искателем новых путей.

Это же отношение Буслаев встретил и позже в семье Самариных.

В то время богатая знать устраивала у себя домашние школы для своих детей, не желая отпускать их ни в дворянские институты, назначенные „для дворян средней руки и ограниченных средств“, ни в гимназии, где учились дети горожан и местных чиновников и где образование было поставлено крайне скудно.

В семье Самариных, где было много детей-погодков, эти занятия приняли вид полной и правильной домашней школы с целым штатом воспитателей и наставников. Не стесненная в средствах, не стесненная полицейским надзором, эта школа могла применять передовые методы обучения и воспитания; была снабжена лучшими пособиями и редкой литературой.

Эта возможность применять свои новые, только что приобретенные знания и новые методы работы тем более радовала, что в то же самое время в казенной гимназии отношение к молодому начинающему педагогу было совершенно иным. Одновременно с занятиями в семье Бодэ Буслаев получил место сверхштатного учителя русского языка в младших классах 2-й Московской гимназии. „Странное дело, — пишет Буслаев, — мое учительство в этой гимназии прошло мимо меня, как тень, не оставив по себе в памяти ни малейшего следа“. Директор гимназии, как вспоминает Буслаев, „по привычке к общепринятым порядкам, почел своим долгом прежде всего озадачить меня начальническим внушением, что гимназия — не университет, что я должен забыть профессорские лекции и сосредоточить все свое внимание на предписанном учебнике“.

Ясно, почему работа в домашних школах знатных семейств пленяла молодого педагога. Но в то же время все это обнаруживает очень слабый его демократизм: он не заметил, что в гимназиях учатся дети бедных семейств. Ни одного лица гимназиста своего класса он не запомнил, ни о ком из детей не вспоминал никогда впоследствии, тогда как о детях Бодэ, Строгановых он рассказывает целые биографии.

Еще сильнее, чем эта частная педагогическая работа в знатных семьях, воз-

действовала на вкусы и интересы Ф. И. Буслаева личность графа С. Г. Строганова. Больше, чем кто-либо из окружающих людей, Строганов определил жизненный путь, научную карьеру и узкие специальные интересы Ф. И. Буслаева.

Весною 1839 г. Строганов предложил Буслаеву отправиться за границу, чтобы там — во время путешествия по Италии — давать уроки его детям.

Буслаева буквально охватил восторг при мысли об этой поездке. Это необыкновенное, счастливое для него предложение сразу наполнило благодарностью его душу. Строганов предстал ему в столь обаятельном ореоле, что на всю жизнь внул чувство искренней преданности, безграничного уважения и живой любви.

Строганов действительно был значительным человеком, способным подчинять своему авторитету окружающих.

В 1835 г. Строганов был назначен попечителем Московского учебного округа; под его ведением оказались и Московский университет и гимназии. Подойдя к практическому делу, имея огромную власть на месте, подкрепляемую влиянием при дворе, Строганов стал весьма последовательно и целостно проводить свою политику просвещения в России. Будучи широко образованным, культурным человеком, с большим вкусом и умственным дарованием, он не мог не понимать значения просвещения. Правда, много позже, в 1862 г., он пишет Буслаеву: „Ученый авторитет нам так же нужен, как нужен авторитет верховной власти. Мы еще так необразованы, что России угрожает распадение от невежества“. Тем сильнее чувствовал и знал он невежество страны в 1838 г. Знакомый со многими учеными Запада, читатель серьезной европейской научной литературы, он имел полное представление о том, что нужно требовать от ученого труда, и довольствоваться состоянием науки в Московском университете никак не мог, особенно в области славяноведения, русского языка, литературы и истории.

Строганов взялся за создание новых научных сил. Он списывается с большими учеными Запада, например с Шафариком, и организует поездки за границу даровитых русских молодых ученых — О. М. Бодянского, С. М. Соловьева, П. И. Кудрявцева и Ф. И. Буслаева. Впоследствии он всячески покровительствует Грановскому. Строганову нужна была настоящая, большая европейская наука. В гимназиях он тоже содействует укреплению классического образования. Конкретная наука, солидная, убедительная и технически прогрессивная, ему была нужна для опоры монархии и дворянства. Царедворец и вельможа, он не видел реальной несовместимости этих начал. Конечно, новых течений в науке, складывавшихся на Западе, — не только материализма, но и прогрессивного, активного идеализма — он не принимает.

Ф. И. Буслаев был втянут в политическую орбиту этого деятеля дворянского просвещения. Уже много позже он рассказывал: „В дополнение к моим научным интересам и чтобы расширить уже слишком тесный круг моих воззрений на современность, он посвящал меня в тайны международной дипломатии и в более существенные и настоятельные вопросы правительственных и государственных мероприятий. Не любя терять времени на газетную полемику передовых статей и корреспонденций, я вполне довольствовался немногими сведениями, которые сообщал мне граф“.

Но то, что было совершенно естественно у богатейшего вельможи, мало подходило Ф. И. Буслаеву, полурасночинцу, бездомному сироте и бедняку. Противоречие между передовыми научными и отсталыми политическими взглядами осталось у него на всю жизнь.

Основным в жизни и деятельности Ф. И. Буслаева была вера в то, что „основная сила прогресса — наука“ — настоящая точная наука. Оттого так возненавидели Ф. И. Буслаева сразу же Греция и Бугария, оттого никогда славянофилам и в ум не могло притти считать его своим, оттого умеренные западники искренне дружили с ним (Крюков, Грановский), оттого революционеры-демократы относились к нему серьезно и с уважением.

Вместе с семьей Строгановых Ф. И. Буслаев два года путешествовал по Европе, видел лучшие произведения искусства. Это было для него хорошей зарядкой против славянофильства. Он без устали бродил по Риму и его окрестностям, осматривая все достопримечательности.

Жизнь в Риме и изучение памятников древнего искусства толкнули Ф. И. Буслаева на узкую специализацию: древнее искусство, древняя живопись.

В 1841 г. семья Строгановых, а с ними и Ф. И. Буслаев, вернулись в Москву. Буслаев сохранил уроки с детьми Строгановых и жил у них, в то же время ведя занятия в 3-й Московской реальной гимназии. В эти годы (1841—1844) он создает первый печатный труд „О преподавании отечественного языка“.

„Хотя я и приобрел на практике, — пишет Ф. И. Буслаев в своих „Воспоминаниях“, — некоторый навык в преподавании русского языка и словесности, но, как самоучка, не умел давать себе ясного отчета в выборе дидактических приемов и особенно затруднился, как следует вести дело с многослюдным классом учебного заведения. Мне не доставало теории, которая расширила бы мой кругозор“.

Тут на помощь ему пришла прекрасная библиотека Строганова, в которой находилось все лучшее, что можно было собрать по педагогическим и дидактическим вопросам.

В вопросах языка Ф. И. Буслаев принял за теоретическую основу новое тогда учение о языке, основанное Вильгельмом Гумбольдтом и Боппом, сравнительно-историческую грамматику, а авторитетом для себя признал Якова Гримма. В педагогических и методических теоретических основаниях он остановился на Дистервеге и немецкой школе. Каждое свое теоретическое положение он проверяет практикой. В это время занятия в гимназии были для него „сухим кладом“. „С живейшим увлечением, усердно и старательно применял я на деле в широких размерах и проверял свои идеи и планы, чтобы внести их потом в свое сочинение“.

По поручению Строганова он составлял циркуляры и статьи по обучению русскому языку и словесности. Эти работы печатались и рассылались по всему учебному округу. Ф. И. Буслаев и сам посещал школы для ознакомления с опытом лучших учителей.

Ф. И. Буслаевым в это время были написаны комментарии, критические замечания и дополнения к учебнику Половцева „Русская грамматика для русских“. Эта работа тоже рассылалась по училищам, являясь своего рода методической запиской к учебнику.

В 1844 г. вышел первый в истории методики научный труд „О преподавании русского языка“.

Эта работа молодого, но серьезно образованного и талантливого учителя, произвела на всех очень большое впечатление. И в печати и в архивных документах сохранилось много писем учителей, горячо и искренне приветствовавших эту книгу за ее свежесть, смелость, продуманность.

Все солидные журналы, включая и „Современник“, поместили свои отзывы о книге, а „Москвитинин“ (1844 г., № 9) дал большую статью Студитского. Рецензенты отмечали, что важный вопрос воспитания, занимающий всех мыслящих людей, впервые появился в печати с такой обстоятельностью, что в книге не только поставлен важный вопрос, но и дано много нового, дельного и продуманного. Считали, что это „драгоценный подарок для школы“. А рецензент „Отечественных Записок“ в 1846 г. (т. XVI), извинившись, что так долго ничего не говорил о такой серьезной книге, как книга учителя 3-й гимназии Федора Буслаева, одобрил и критику и положительные утверждения книги, кончает восклицанием: „Пора же, наконец, нам учиться как следует!“.

В то же время книга была встречена резко отрицательно реакционной журналистикой — Гречем, Булгариным, Сенковским. Молодой автор зло раскритиковал принятую тогда систему преподавания языка. „Наши грамматики русского языка, — говорит он в одной статье, — можно назвать уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию“. Всем было ясно, что здесь говорится о „Грамматике“ Греча. Неудивительно поэтому, что в „Библиотеке для чтения“ и „Северной Пчеле“ появился ряд памфлетов, направленных против работы Буслаева. Некий К. П. в „Библиотеке для чтения“ (1845 г.) уже прямо заявляет, что статьи и книги г. Буслаева надо подалеже спрятать.

Преемник Строганова, обскурант Голохвастов лично выговаривал Ф. И. Буслаеву, что давно и постоянно следит за его трудами и очень ими недоволен: „Везде самохвальство и ниспровержение общепринятых порядков и авторитетов“. „Особенно он был недоволен моей книгой „О преподавании отече-

ственного языка", которой я преступно посягаю на авторитет таких грамматистов, как Булгарин и Греч", писал сам Буслаев (Из архива внука Ф. И. Буслаева, Москва.)

Все это обрисовывает нам общественное лицо книги Буслаева.

Несмотря на успех книги, сам Буслаев смотрел на свои методические и педагогические работы, как на временные и преходящие. Его увлекала наука о языке, об искусстве, о народной старине. Он не захотел представлять на степень магистра свой методический труд и принял за диссертацию. Магистерские экзамены он выдержал настолько хорошо, что профессора Шевырев и Крюков поспорили, кому из них он "больше обязан своим образованием". Имя Буслаева приобретало все больший авторитет.

## 6

После диссертации "О влиянии христианства на славянский язык" Буслаев все дальше отходит от изучения языка, специализируясь сначала на народной словесности, на искусстве, и, наконец, на очень узкой области народного искусства — на миниатюрах и иконографии. Лишь изредка он давал лингвистике и педагогике замечательные труды. По заказу Я. Ростовцева для учителей военно-учебных заведений в 1851 г. он написал свою "Историческую грамматику" и "Хрестоматию". Вместе с А. Д. Галаховым составлял по поручению Я. Ростовцева подробные программы обучения русскому, церковнославянскому языкам, теории словесности и истории литературы, русской и иностранной. С этого же времени он постоянно пишет в "Отечественных Записках".

"Историческая грамматика" (или в первом издании "Опыт исторической грамматики") вызвала еще больше отзывов у современников, чем книга "О преподавании отечественного языка". Грамматика переиздавалась несколько раз, со значительными поправками. В журналах 1859 и 1860 гг. печатались отзывы высоко положительные ("Современник", "Отечественные Записки", "Русское Слово", "Русский Мир"), резко отрицательные ("Московский Вестник", "День") и отрицательные, с некоторым признанием ("Библиотека для чтения"). Кроме того, К. Аксаков написал целую книжку против книги Ф. И. Буслаева, а Полевой специальную брошюру (подписанную Гречем) с бешеными нападками на все труды Ф. И. Буслаева. Бросается в глаза необыкновенная солидность рецензий: это — вернее сказать — не отзывы, а целые труды, в несколько печатных листов каждый. Критиков интересует каждое положение Ф. И. Буслаева; все новое в книге подвергается всестороннему обсуждению. Это показывает большую актуальность книги.

По поводу грамматики Ф. И. Буслаева был устроен целый диспут, с приглашением Востокова, Греча и учителей. С Гречем пришло много его единомышленников. Его клеветы держали себя очень вызывающе. Под конец не выдержал сам Греч и наговорил дерзостей автору грамматики. Когда дошла очередь до Востокова, то он вполне одобрил книгу и передал автору на полулист свои замечания ("Мои воспоминания", стр. 329).

Весь этот шум вокруг ученого труда показывает, что конфликт между славянофилами и реакционерами, с одной стороны, и Ф. И. Буслаевым, с другой, углублялся и обострялся.

## 7

Осенью 1859 г. Строганов, бывший тогда воспитателем наследника престола Николая, старшего сына Александра II, пригласил Ф. И. Буслаева для чтения на следующий годичного курса истории русской словесности. Занятия продолжались до декабря 1860 г. Ф. И. Буслаев подробно рассказывает о них в книге "Мои воспоминания". В архиве Библиотеки им. Ленина хранятся многочисленные заметки, связанные с этой работой. Эти материалы чрезвычайно ценны в педагогическом отношении.

1860 г. ознаменовался для Ф. И. Буслаева избранием в члены Академии наук.

До 1881 г. он читал лекции студентам Московского университета, издал много научных трудов ("Исторические очерки русской народной словесности и искусства" и др.) и сборники статей "Мои досуги". Отношения со студентами и с коллегами у него были прекрасные. Он очень остро переживал попи-

тические репрессии против профессоров и молодежи, и, при всей своей остротности и благонамеренности, в книге „Мои воспоминания“ дал несколько горьких страниц описания этих событий и „очистительных гроз“.

По воспоминаниям его учеников (Н. Котляревского, Кирпичникова, А. Н. Веселовского и др.), молодежь очень любила его, сопоставляла с общим любимцем своего времени Грановским. Особенной популярностью пользовались собрания на дому у профессора, сначала по пятницам, а потом по вторникам и воскресным дням. Интересовавшиеся старинными документами и редкими книгами, картинами, миниатюрами могли в эти дни пользоваться огромной и ценнейшей библиотекой Ф. И. Буслаева. Квартира его превращалась в читальню. Буслаев с живым радушием встречал молодежь, давал разъяснения, а по воскресным утрам выступал с лекциями, приватным курсом по искусству. Квартира бывала обычно набита до отказа. Ф. И. Буслаев входил и в более тесное общение с молодежью. Он был редактором студенческого сборника, куда привлекал и прогрессивно настроенных литераторов.

В 1879 г. Буслаев путешествовал за границей, жил в Риме.

## 8

В 1881 г. академик Ф. И. Буслаев оставил университет. Ему тяжело было переживать разгул реакции, с одной стороны, а с другой, он не мог сочувствовать революционному направлению молодежи. Он и раньше называл новые течения „новорожденным деспотизмом“ молодого поколения, перед которым чувствовал себя все более устаревшим. Всю свою остальную трудовую жизнь, около 8 лет, он посвятил очень узкой области — изучению миниатюр на старинных священных книгах и на лицевом апокалипсисе. Именно эти работы дали ему мировую известность.

В 1888 г. Ф. И. Буслаев ослеп. Последним трудом его была (под его диктовку написанная) книга „Мои воспоминания“, на которую мы часто ссылались.

В 1896 г., уже тяжело больной, Ф. И. хотел продиктовать целую дополнительную главу о своих педагогических взглядах, которая изложила бы, по его словам, его *profession de foi*. Но этого сделать он не успел.

## Глава II

### 1

Ф. И. Буслаев не только нигде не излагает систематически свое *profession de foi*, но всячески уклоняется от прямых высказываний по коренным вопросам мировоззрения, особенно по политическим вопросам. Рассказывая о своих молодых годах, Ф. И. упоминает, как однажды Строганов (который от политики ни в какой мере не уклонялся) смеялся над ним за „упорное укрывательство в далекие области прошедшего от живых людей, с их нравами и обычаями, с их заботами и нуждами“. В другом месте Ф. И. прямо указывает, что он, „сыскав себе укромное местечко, спрятался в своей маленькой крепостце, до поры до времени от выстрелов“ врагов. И далее заявляет: „а для меня нет ничего скучнее, как тарабарская грамота политических дебатов“ („Мои воспоминания“ стр. 205, 300, 317).

Не следует удивляться этому политическому негативизму Ф. И. Буслаева. Чьи „дебаты“ могли его увлечь? Как ни благоговел он перед Строгановым, как ни повторял за ним целые тирады, — но идеи просвещенного самодержавия и гегемонии дворянства не могли быть ему слишком близки. Славянофильские дебаты были еще менее интересны — и в варианте „святой Руси“, и в вариантах „чешской программы“ или панславизма. „Подлый“ либерализм Кавелина и ему подобных уж и вовсе не затрагивал его ума и сердца. Подлинно живое слово революционеров-демократов доходило до него слишком заглушено по условиям цензуры, да и сам он был совершенно не подготовлен к его восприятию и пониманию.

Не следует забывать, что весь жизненный путь Буслаева был двойственным: трудовая жизнь и близость к знати, от которой он зависел и духовно и житейски. Эта двойственность отмечается всеми вдумчивыми читателями Ф. И. Буслаева, и острее всех показал это Чернышевский в своей статье „Полемические красоты“ („Современник“, 1861 г.).

Современники, любившие и почитавшие Ф. И. Буслаева, называли его „русским европейцем“, „прогрессивным консерваторм“ („Книжки Недели“, „Газета Гатшука“).

Чтобы точнее определить мировоззрение Ф. И. Буслаева, посмотрим, от кого он отмежевывается. В его воспоминаниях есть одно чрезвычайно важное место, которое считаем интересным привести:

„Несмотря на мою любовь к Италии и на благоговение к ученым трудам Якова Гримма, назвать себя западником я решительно не мог, по крайней мере в том смысле, как это прозвище прилагается к Чаадаеву или к Белинскому... На моих глазах начиналась междоусобная война славянофилов с западниками, и я, не думая, не гадая, очутился между двумя враждебными лагерями, но, сыскав себе укромное местечко, спрятался в моей маленькой крепостце до поры до времени от выстрелов того и другого“ („Мои воспоминания“, стр. 299—300).

Может быть, по цензурным условиям Ф. И. Буслаев не указывал самой сущности своего расхождения с западниками. Не мог же он в то время сказать, что он не принимает идей революции, атеизма, материализма: такие возражения в тех условиях граничили бы с доносом. А, может быть, он и сам не понимал всей глубины своего расхождения с западниками.

Западничество характеризуется все же не тем, что Чаадаев и др. не признавали культурного значения византийского влияния (в указании ошибочности этого положения Ф. И. Буслаев был прав, как то обнаруживает современная нам наука, позднейшие изыскания о киевском периоде нашей истории), и не тем, что Белинский недооценил народно-демократического содержания наших старинных русских преданий и былин (и здесь Ф. И. Буслаев оказался более прав, чем Белинский). То течение, которое мы называем западничеством, вошло в историю русской общественной мысли, в основе своей как революционно-демократическое и материалистическое мировоззрение, в лице Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. И этим в самой сущности своей западничество было неприемлемо для Буслаева — убежденного идеалиста.

С наименьшей резкостью Буслаев отстраняется и от славянофилов. Уже самые „поправки“, которые Ф. И. Буслаев как бы вносит в свое понимание монархии, дворянства, религии, отдаляют его от славянофилов. Но основным здесь было даже не это. Широко осведомленный в научном движении Запада, Буслаев не мог разделять субъективного метода в науке, говорить о том, что должно быть, а не о том, что действительно есть. Не случайно отмежевывается он от „мечтательных умозрений“ Аксакова. В работах Аксакова о русском языке хотя и имеются некоторые интересные наблюдения в области языка, использованные позднейшими исследователями, но в целом его работы неприемлемы: они субъективны, антинаучны, являлись мистической, политически реакционной пропагандой в пользу национализма самого шовинистического характера („О русском глаголе“, „Опыт русской грамматики“, „Ломоносов в истории русской литературы и русского языка“).

Не зря Буслаев отмежевывается от субъективных оценок нашей народной старины, антинаучных, продиктованных политической борьбой с прогрессивным западничеством, утверждений, что наши народные произведения — „заветные тайники доморощенной мудрости“, а не просто творчество талантливого народа, подобное творчеству других народов. Недаром Буслаев отстраняет политически реакционные восторги перед русской семьей и общиной, а требует, чтобы и к этим гражданским институтам подошли исторически, рассмотрели их в генезисе.

Пусть неправ Буслаев, говоря о прародине. Но он прав принципиально: община, семья, обычное право — не святыня, а историческое явление; их нельзя канонизировать, как бы субъективно симпатичны они ни были исследователю. Это уже прогрессивное воззрение; то, что исторически началось, то могло и преобразиться, и уйти, и замениться новым. И недаром Буслаев решительно отклоняется от агрессивных националистических стремлений панславизма, мечтая лишь о добровольном объединении разных культурных народов. Буслаеву нужен для науки точный микроскопический анализ, нужны факты, нужна точная терминология; нужен сравнительный исторический метод.

Все изложенное позволяет нам дать некоторую характеристику мировоззрения Ф. И. Буслаева — основу его педагогических и методических взглядов. Буслаев был гуманистом не в узком школьном понимании этого слова — как сторонник классической школы, а в глубоком философско-литературном значении его. Человек — вот, что звучало для него непреложно и глубоко. Человек — посетитель всего самого ценного и высокого: великих мыслей и глубоких чувств; человек — как личность в ее внутреннем духовном мире. Громкие подвиги, героизм не так волновали Буслаева, как духовная сторона личности человека. И в искусстве он прежде всего видел и ценил это проявление, показ души человека. И в жизни он „любовался“ людьми — поскольку видел в них искренне и целостно выраженное их личное духовное начало.

Специфической чертой Буслаева была его жажда изящной формы. Он действительно жаждал, чтобы и человеческое достоинство и высокая идея были выражены в изящной форме. Недаром он так любил Белинского, Грановского, позже Тургенева. Высоко ценя в искусстве реализм, он страстно восхищался именно „обаятельным реализмом“. Резко обаянная правда жизни, открытое уродство порока и зла отталкивали Буслаева. Может быть, это нам объяснит, почему Буслаев просмотрел и подлинно благороднейшую красоту творений Чернышевского, с одной стороны, и силу художественной формы Л. Толстого, с другой.

В центре внимания Буслаева — человек, его мысли и чувства. В этом он также был обязан западным гуманистам особенно ранним. Однако, его человек не был индивидуалистом. Человек живет в коллективе и должен определить к нему свое отношение. Этот коллектив — его народ. Идеи классовой борьбы и солидарность борющегося угнетенного класса были чужды Буслаеву.

Патриотизм для Буслаева это прежде всего любовь к конкретному историческому народу. Это уважение к истории, обычаям, пущам, интересам, стремлениям данного народа. И Буслаев был последователен в своем человеколюбии и народности. Вовсе не только единоведец и единоплеменный человек достоин любви и уважения. Народ живет, волнуется, ищет, творит, меняется в своем развитии, движется к лучшему. И на каждой ступени развития творческой мысли народа, его чувств историческая форма выражения национального лица заслуживает глубокого интереса и уважения. Гуманизм Буслаева естественно связывался с народностью. И потому для него народы всех национальностей и всех времен кажутся достойными человеческого уважения. Не мог признать он „гниющим“ Запад, но не мог и Византизм считать „растленной“. Терпимость к религиям, уважение к другим народам, при всей глубине патристического чувства, выливаются у Ф. И. Буслаева в чувство общечеловеческой связи.

По поводу столетия „Нисем русского путешественника“ Буслаев писал о Карамзине: „Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным сознанием, явить в себе русского патриота. Любовь к человечеству была для него основой разумной любви к родине, и западное просвещение было ему дорого потому, что он инстинктивно в себе силу водворить его в своем отечестве“ („Мои досуги“, 1886, II, стр. 170).

Недаром так горячо любил Буслаев первого великого гуманиста Данте, стоящего на грани средневековья и гуманистической эпохи Возрождения, сумевшего в великолепной национальной форме поднять общечеловеческие проблемы.

Буслаев приветствовал прогрессивное движение мысли в науке, но политической прогрессивной мысли он не принял. Вслед за Строгановым, Буслаев полагал, что исторической формой выражения национального лица русского народа является самодержавная монархия, патриархальные отношения между классами, православная церковь. Конечно, все эти три элемента представлялись в самом идеальном виде гуманности и человеколюбия, тем не менее именно эти институты он считал национальными. Добровольный абсентеизм в политике скрыл от него глубокие классовые противоречия. Он знал и понимал, что жизнь меняется, что институты, в которые он искренне верил, не вечны — но не мог

сделать отсюда иного вывода, как то, что он „устарел“. Противоречие между искренней пропагандой гуманизма и народности, с одной стороны, и признанием исторической национальной формой их для русского народа заскорузлые полуфеодальные институты, в форме монархии, с другой; — это вопиющее противоречие и было источником той двойственности, которую разоблачал в Буслаеве Чернышевский.

3

На предшествующих страницах мы изложили основные принципиальные воззрения Буслаева. Мы не затронули вопроса о его научной методологии, о его принципиальных установках именно в отношении языка, литературы, искусства. Мы хотели выбрать и обобщить самое основное, что можно было извлечь из его высказываний, и главным образом то, что наиболее ярко вылилось в системе его педагогических и методических положений, что легло в основу его теории в этой области. Наиболее прогрессивные из современников Буслаева безоговорочно признавали большую ценность его педагогических трудов. В рецензии „Современника“ М. де Пуле прямо говорит, что наибольшее значение имеют именно педагогические труды Буслаева. В связи именно с его учебниками упоминает о нем серьезно и с уважением Добролюбов. Этот же мотив — во многих воспоминаниях и некрологах после смерти Буслаева.

В своих методических трудах он чувствует себя наиболее свободным и наиболее последовательно и смело выявляет свое гуманистическое мировоззрение.

Не случайно бы хотел свое *profession de foi* оформить в большом принципиальном педагогическом труде. Гуманизм и народность в мировоззрении Буслаева роднили его с Белинским. Педагогические высказывания их по времени совпадают: те же 40-е годы. Белинскому Ф. И. Буслаев обязан общим направлением своих воззрений.

Подобно Белинскому и Добролюбову он не принимает общей системы воспитания, господствовавшей в 40-х годах.

„Мы все возрастали, формировались и преуспевали под давлением внушительного страха, как начала всякой премудрости, под бдительной фегулой и с вразумительной указкой в руках. Нам говорили: меньше думай и больше слушайся того, кто тебя старше и потому умнее; не верь всякой правде, чтобы не нажить беды, потому что и сама правда бывает двойкая: злая — от наущения дьявольского, и добрая, которой пручайся от тех, кому подобает ее ведать; иной раз и ложь не перечит правде, даже ее заменяет, когда, как говорится, бывает она во спасение. Одним словом, мы воспитывались в благонравии по рецепту тогдашней австрийской дипломатии канцлера Меттерниха“ („Мои воспоминания“, стр. 313).

Эти мысли Буслаева совпадают с основными мыслями Добролюбова „О значении авторитета в воспитании“ и по поводу сочинений Миллера-Красовского. Добролюбов издевается над правилом „не рассуждай, а исполняй“. Буслаев горько говорит о правиле: „меньше думай и больше слушайся“. Добролюбов резко осуждает „отсутствие самостоятельности в суждениях и взглядах, вечное недовольство в глубине души, вялость и нерешительность в действиях, недостаток силы воли, чтобы противостоять посторонним влияниям, а вследствие этого легкомыслие и подлость, недостаток твердого и ясного сознания своего долга и невозможность внести в жизнь что-либо новое, более совершенное, отличное от прежде установленных порядков, — вот дары, которыми безусловное повиновение при воспитании наделяет человека, отпуская его на жизненную борьбу“ („О значении авторитета в воспитании“).

Аналогичные мысли Буслаев выражает словами „о благонравии по рецепту тогдашней австрийской дипломатии“.

Приведа речь Давыдова на акте Педагогического института, Добролюбов выставляет на публичное осмеяние слова Давыдова: „надо верить, чтобы знать“, „как бы мудрость не ослепила“, „для этого нужно сознание своей слабости и испрашивание помощи всемогущего“.

Отметим, что Буслаев под конец жизни тепло пишет о гимназии в Пензе, где дети еще не знали „напасти“ надзирателей, с увлечением описывает и дет-